

ТОМАС С. БАРТЕЛЬ

1923–1997

Этнографическая наука понесла тяжелую утрату. 3 апреля 1997 г. скоропостижно скончался выдающийся немецкий ученый-этнолог, профессор Томас Бартель из г. Тюбингена (Германия), посвятивший всю свою жизнь исследованию культуры, мифологии, фольклора народов Океании, Южной и Центральной Америки, Древней Индии, а главное – изучению трех ранних, неизвестных систем письма: индейцев майя, о-ва Пасхи и протогиндийской письменности.

Т. Бартель родился 4 января 1923 г. в Берлине в семье рабочего-дояра из Дрездена Макса Бартеля. Окончив колледж им. Лессинга, он с 1946 г. серьезно заинтересовался проблемами географии и этнологии. Поиски призвания вскоре привели его в г. Гамбург. Там в 1952 г. в Гамбургском университете за свою работу «*Studien zur Entzifferung astronomischer, augurischer und kalendarischer Kapitel in der Dresdener Maya-Handschrift*», посвященную письму индейцев майя, он был удостоен научного звания доктора филологии. Позднее, в 1957 г. на конкурсе на замещение должности преподавателя университета им была представлена работа по письму рапануйцев (жителей о-ва Пасхи) под названием «*Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift*», изданная в Гамбурге в 1958 г.

В 1959 г. Т. Бартель получает приглашение в г. Тюбинген, где ведет работу в качестве экстраординарного, а с 1964 г. и ординарного профессора этнологии Института этнологии Тюбингенского университета, а затем становится директором этого института. В 1988 г. он вышел в отставку, но до последних дней много и плодотворно трудился.

Талант ученого был разносторонним, научные интересы – широкими и разнообразными, что не позволяло ему замыкаться в какой-то одной области этнологической науки, ограничиваться каким-либо одним регионом. Это и помогло ему стать одним из крупнейших этнологов и культурологов нашего времени.

Научное наследие Т. Бартеля огромно – только в области рапануистики им написано свыше 30 научных книг, монографических исследований и статей. Работая в той же области исследования, что и американец Э. Томсон, Т. Проскуракова, Ю.В. Кнорозов, Т. Бартель начиная с 1951 г. создал немало научных работ, посвященных иероглифике майя, эпиграфике, палеографии древних надписей, иконографическим изображениям в кодексах и рукописях майя, ацтеков, а также статей по мифологии народов Южной Америки¹.

Т. Бартель не был только университетским профессором и кабинетным ученым. В 1957–1958 гг. он вел, и очень успешно, полевые исследования на о-ве Пасхи, а также в Южной Америке (в Чили). Его полевые материалы, прежде всего рапануйские, легли в основу многих статей, а также хорошо известной всем океанистам и переведенной, в частности, на английский язык книги «*Das Achte Land*» (München, 1974), посвященной этно-историческому изучению о-ва Пасхи. В 1966 г. Т. Бартель осуществил экспедицию в Мексику и Гватемалу, а в 1970 г. вел полевые исследования в Перу. Там, вместе с перуанской исследовательницей Викторией де ла Хара, ему удалось как бы заново открыть памятники письма древних инков, в результате чего им был написан ряд статей².

В 1970–80-е годы Т. Бартель уделял много внимания индоамериканским исследованиям в связи с проблемой трансокеанских культурных контактов, в частности с проблемой влияния индийских культур на некоторые центры месоамериканских высоких цивилизаций. Он был основателем журнала «*Indo-Mexican Studies*». Поиски месоамериканского влияния на культуру Центральной Америки (Месоамерики) привели ученого к тому, что он как культуролог-диффузионист попытался сопоставить сакральные понятия, атрибуты богов, календарные знаки и прочие реалии культуры Месоамерики доиспанского периода с подобными представлениями и символами культуры Древней Индии первого тысячелетия н.э. Многие индоамериканские работы Т. Бартеля носят новаторский характер, но, к сожалению, остались неопубликованными и хранятся в архиве ученого.

Наибольшую известность принесли немецкому ученому его оригинальные труды по тихоокеанской тематике, прежде всего по этнографии, фольклору и иероглифическому письму о-ва Пасхи. В сущности в его статьях, опубликованных после посещения о-ва Пасхи, в деталях воссоздан материальный и духовный мир островитян – головные уборы из перьев, постройки, наконечники из обсидиана, петроглифы, маски, каменная и деревянная скульптура, представления о звездах, числах, особенности счета, сведения о манускриптах, написанных латиницей самими островитянами уже в нашем веке. Ряд статей, посвященных анализу мифов и песнопений, представляют собой важный вклад в фольклористику³. Отдельные статьи⁴ интересны и ценны своим сравнительным анализом имен верховных вождей рапануйцев.

Все его работы содержат ценнейшие (особенно для дешифровщиков рапануйского письма) лингвистические материалы – названия звезд, предметов материальной культуры рапануйцев, редкие формы числительных, термины родства и социальной структуры рапануйцев и других полинезийцев, списки географических названий, дающих не только представление о характере топонимии острова, но и об особенностях рапануйского языка.

Книга Т. Бартеля «Восьмая страна» представляет собой глубокое этноисторическое исследование этногенеза рапануйцев в сочетании со структурным анализом и интерпретацией исторического предания из написанного рапануйцами в XX в. манускрипта «Е», обнаруженного и приобретенного Т. Бартелем. «Восьмая страна» – это о-в Пасхи из видений вождя-провидца Хау Мака с прародины рапануйцев. На широком этнолингвистическом материале с привлечением разнообразных топонимических, этноботанических, этнозоологических и прочих данных ученый показал, что Полинезия была заселена из Азии. Полинезийские исследования Т. Бартеля поставили, таким образом, под сомнение теорию норвежского ученого Тура Хейердала, согласно которой индейцы Перу явились народом, принесшим развитую культуру в Океанию. Показав взаимосвязь отдельных культур народов Океании и всех их вместе взятых с культурой Индонезии, Южной и Восточной Азии, Т. Бартель развил тезис об особой важности культурных традиций при решении этногенетических проблем.

Важнейшую часть полинезийского наследия профессора Т. Бартеля составляют его работы по изучению загадочного рапануйского письма. Это прежде всего его первая, уже названная выше фундаментальная книга «Основы для дешифровки письма острова Пасхи», где помимо истории открытия дощечек *кохау ронгоронго*, их описания, разделов, посвященных интерпретации разных групп знаков и попыткам установления их лексических соответствий, «чтений Меторо», представлены также все необходимые для работы по изучению и дешифровке рапануйского письма материалы – прорисовки основных классических текстов, их цифровая транскрипция, каталог графем, таблицы их взаимосочетаемости. Конечно, подготовленные материалы не вполне совершенны и нуждаются в корректировке и уточнениях, что и делают сейчас некоторые исследователи рапануйского письма. Но смысла в том, чтобы в корне менять введенную немецким ученым нумерацию графем, а такая попытка уже сделана, пожалуй, нет. Это лишь затруднит взаимопонимание между исследователями-дешифровщиками.

Из других работ Т. Бартеля по письму *кохау ронгоронго* следует назвать прежде всего его большую работу в журнале «Антропос» под названием «Rongorongo-Studien»⁵ с предложенным чтением большого числа знаков (или графем), а также его статью «Pre-Contact Writing in Oceania»⁶, в которой автор, освещая разные этапы изучения рапануйского письма, резюмирует свои выводы относительно характера текста *ронгоронго*: *ронгоронго*, несомненно, представляет собой письмо (притом единственное в Полинезии), характеризующееся поливалентностью знаков, которые могут передавать лишь значимые слова. Его можно назвать недостаточным, несовершенным, так как это письмо не имеет знаков, передающих грамматическое оснащение слов. По мнению немецкого ученого, это как бы вторичная, несамостоятельная коммуникативная система: она всегда создавалась и бытовала в контексте более развитого уровня вербального творчества рапануйцев.

Вспоминая профессора Томаса Бартеля, мысленно возвращаешься к встречам с ним пять лет назад в Музее антропологии и этнографии Российской академии наук. Готовясь к импровизированному симпозиуму по проблемам рапануистики, предложенному Томасом Бартелем в качестве главного пункта нашей встречи, нетрудно было представить себе известного профессора из Тюбингена строгим, суровым ученым, повергающим своего собеседника в легкий трепет. Но наш гость оказался удивительно скромным, симпатичным, приветливым человеком, без тени высокомерия и неприязни к своим самым ярким критикам, готовым любому оказать помощь и поддержку.

Именно таким и останется профессор Томас Бартель в памяти всех тех, кому посчастливилось познакомиться с ним в холодные апрельские дни 1992 г.

Примечания

¹ Bemerkungen zur einem astronomischen Quipu aus Süderperu // Ethnos. 1951. Bd. 16. S. 153–170; Der Morgensternkult in den Darstellungen der Dresdener Mayahandschrift // Ethnos. 1952. Bd. 17. S. 73–112; El estado actual en la investigación de la escritura maya // Boletín del Centro de Investigaciones Antropológicas de Mexico. 1957. № 4. P. 19–27; Gedanken zu einer bemalten Schall aus Uaxactun // Baessler-Archiv, N.F., № 13. S. 131–170; Historisches in den klassischen Mayainschriften // Zeitschrift für Ethnologie. 1968. Bd. 93. S. 119–156; A «Tuebingen key» to Maya glyphs // Tribus. 1977. Bd. 26. S. 97–102; Die Mayahieroglyphe 'Gesang' // Indiana. 1977. № 4. S. 95–104; Deciphering Teotihuacan writing // Indiana. 1988. 11(1987). S. 9–18.

² Например: Erste Schritte zur Entzifferung der Incaschrift // Tribus. 1970. Bd. 19. S. 91–96.

³ Die Hauptgottheit der Osterinsulaner // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. 1957. Bd. 15. S. 60–82; Rezitationen von der Osterinsel // Anthropos. 1960. № 55. S. 841–859; Maui auf der Osterinsel. // Anthropos. 1974. № 69. S. 705–747.

⁴ Häuptlingsgenealogien von der Osterinsel // Tribus. 1959. № 8. S. 67–82; Zwei weitere Häuptlingsgenealogien von der Osterinsel // Tribus. 1961. № 10. S. 131–141.

⁵ Anthropos. 1963. Bd. 58. Ht. 3–4. S. 372–436.

⁶ Current Trends in Linguistics. 1971. V. 8. P. 1165–1186.